

На правах рукописи

Дорофеева Юлия Геннадьевна

**Творчество Ефима Петровича Люценко
в литературном процессе конца XVIII – начала XIX вв.**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов

2011

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора
Института филологии и журналистики
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Борисов Юрий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кривонос Владислав Шаевич

кандидат филологических наук
Давыденко Лариса Александровна

Ведущая организация: Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт

Защита состоится 29 сентября 2011 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.243.02 в Саратовском государственном
университете им. Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов,
Астраханская ул., 83, XI корпус, аудитория 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Автореферат разослан « » 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для постижения русской литературы конца XVIII – начала XIX вв. важным является осознание и признание разрыва между поколениями. Ю.М. Лотман отмечал, что в России рубежа XVIII – XIX вв. ускорившийся темп жизни задавал соответствующий напряженный вектор развития литературы: одно поколение писателей быстро сменялось другим. И если на протяжении XVIII века между авторами выстраивался полилог, «писатели, разделенные разницей возраста и мировоззрения», «были людьми, *по-разному* думающими *об одном*»¹, то в начале XIX века разница в десятилетие оказывалась пропастью, полемика, диалог между участниками одного процесса становился невозможным. В литературном пространстве сосуществовали поэты нескольких поколений. И те из них, кто активно творил в 1790-е гг., уже в следующее десятилетие постепенно замолкали, уходили в тень, творчество некоторых становилось объектом насмешки из-за свершающейся на глазах архаизации их стиля.

Литературная судьба Ефима Петровича Люценко – типичная судьба второстепенного поэта рубежа XVIII – XIX вв. Дебютные публикации 1790-х годов перерастают в интенсивное сотрудничество с популярнейшими периодическими изданиями – «Приятным и полезным препровождением времени», «Иппокреной», «Журналом для пользы и удовольствия». Издатель последнего, А.А. Варенцов, обращается к Люценко со страниц журнала с благодарностью за предоставление стихов, привлекающих публику «приятностию слога и искусною отделкою трудных предметов»². Другой соратник по «Журналу для пользы и удовольствия», И.Г. Аристов, в послании характеризует Люценко как поэта, которому «сам Феб свою казну открыл / И дар божественной поэзии внушил»³. Но уже у следующего поколения поэтов и читателей, поколения, рожденного Отечественной войной 1812 года, произведения Люценко, пронизанные сентиментально-просветительским духом XVIII века и написанные устаревшим слогом, не могли вызвать сочувствия. Число его оригинальных текстов резко сокращается. Поэт осваивает новую литературную стезю – становится редактором и составителем журналов; переводческая деятельность превращается из периферийного в ведущее направление творчества. В 1820-е годы под напором критики литератор вынужден прекратить и публикации переводных сочинений. Перевод Люценко поэмы К.М. Виланда «Первонте, или Желания» – «Вастола, или Желания», – вышедший в 1835 году (на титульном листе 1836) с указанием «издал

¹ Лотман, Ю. М. Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX века. Л. : Сов. писатель, 1961. С. 12.

² Изд. В. [Варенцов, А. А.] Примечание к стихотворению «Энтузиазм» // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 3, № 7. С. 16.

³ Арств, И. [Аристов, И. Г.] Послание к Г-ну Л... (подражание Боало) // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 2 (15 февр.). С. 166.

А. Пушкин», не только не получает поддержки современников, но и вызывает литературный скандал: О.И. Сенковский, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский, С.П. Шевырев выступают с резкой критикой произведения. Пушкина обвиняют в упадке таланта, неуважении к публике, спекуляции громким именем. Имя Люценко некоторыми, вероятно, сознательно умалчивается. Так еще при жизни, в период поэтической, эстетической зрелости Люценко из-за верности идеям XVIII века, приверженности старому слогу не может найти своего читателя, быстро становится поэтом ушедшей эпохи.

В отечественном литературоведении творческий и жизненный путь Е.П. Люценко не получил обстоятельного, всестороннего изучения. Сведения о литераторе ограничиваются, в основном, короткими словарными статьями (митрополит Евгений (Болховитинов), Г.Н. Геннади, словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Н.М. Затворницкий, Л.А. Черейский, Р.Ю. Данилевский, Е.Э. Лямина и С.И. Панов), комментариями относительно издания Пушкиным «Востолы» (Н. Смирнов-Сокольский, В.Э. Вацуро, В.В. Кунин). Статья Б.Л. Модзалевского «Пушкин и Ефим Петрович Люценко» (1898) – одна из первых и наиболее полно обозначающих жизненный и творческий путь литератора. Статья Б.В. Томашевского о Люценко, помещенная в «Примечаниях» к книге «Ирои-комическая поэма» (1933), вводит в научный оборот редкий архивный материал (автобиографическую записку литератора, рукописное предисловие к «Востоле»). Единичные обращения к поэтическим текстам Люценко в работах А.Н. Соколова, Д.М. Шарыпкина, И. Булкиной, Л.А. Казаковой обусловлены анализом обширного материала при изучении той или иной теоретической проблемы (романтическая поэма, скандинавская тема, «сусанинская» тема, ирои-комическая поэма соответственно). В перечислительном ряду в примечаниях находим имя Люценко в работах Д.П. Якубовича, З.А. Каменского, И.А. Пильщикова, И. Клейна.

Поэтическое наследие Е.П. Люценко долгое время получало негативные оценки литературоведов. Б.Л. Модзалевский считал Люценко писателем «по случайности», лишенным «авторских дарований», «литературного вкуса» и «способности владеть родным языком», Ю.И. Масанов – «бездарным поэтом». Язык второстепенного литератора оценивался как «малохудожественный» (Л.А. Черейский), «тяжеловесный» (В.В. Кунин). Укоренившееся стереотипное представление о Люценко как посредственном сочинителе меняют работы Р.Ю. Данилевского и А.Н. Пашкурова. Последний называет Люценко одним «из ярких поэтов позднего сентиментализма», «талантливым представителем школы русских “легких поэтов”»⁴. Между тем, «беглое» обращение современных исследователей к творчеству, личности Люценко по-прежнему порождает необъективные

⁴ Пашкуров, А. Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: эволюция и типология. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. С. 66.

оценки (В.И. Новиков называет поэта «плодовитым автором, лишённым даже признаков литературной одарённости»⁵).

В ряде литературоведческих работ нами были выявлены ошибочные представления и предположения, вызывающие несогласие. Ошибки кочуют из одной статьи, монографии в другую, так как в них Люценко не является центральным героем, выступает как «промежуточный» персонаж. Самым распространенным заблуждением в трудах, где упоминается Люценко, является зачисление его в лицейские учителя Пушкина (Ю.И. Масанов, В.Г. Дмитриев, В.И. Новиков). В словарных статьях обнаруживаем разночтения относительно различных датировок (год рождения (1774 / 1776), временные рамки службы в военном министерстве (1813–1814 / 1813–1816), Провиантском департаменте (1815 / 1816), выход в отставку (1834 / 1843)), относительно состава семьи (3 / 5 детей).

Актуальность данной диссертационной работы обусловлена, во-первых, назревшей необходимостью обозначить накопившиеся в литературоведении ошибки вокруг имени Люценко и предотвратить в дальнейшем появление новых. Во-вторых, неослабевающий интерес к литературе конца XVIII – начала XIX вв., активизировавшееся изучение второстепенных писателей этого времени приводит к расширению, уточнению представлений о процессах, происходивших в русской словесности. Творчество Люценко оказывается среди репрезентативных явлений, ярко представляющих поиск новых форм.

Объект исследования – литературное наследие и биография Ефима Петровича Люценко.

Предметом исследования является жанрово-стилевое многообразие творчества поэта в соотнесенности с биографическим контекстом, с литературными направлениями (сентиментализм, предромантизм) и интеллектуально-духовными движениями (просветительство, масонство) эпохи.

Цель исследования – рассмотреть творчество Люценко в контексте русского литературного процесса конца XVIII – начала XIX вв.

Поставленной цели подчинены основные **задачи** работы:

- реконструировать жизненный путь Люценко, обратив особо пристальное внимание на сведения об учёбе, служебной деятельности, на личность наставников, определивших мировоззрение литератора;
- определить и выявить автобиографический подтекст ряда стихотворных текстов;
- установить с максимально возможной полнотой объём творчества Люценко: собрать данные о псевдонимах, используемых поэтом, в соответствии с ними исследовать журналы, упоминаемые в словарных статьях,

⁵ Новиков, В. И. Пушкин как книгоиздатель и предприниматель // Балканская русистика [Электронный ресурс]. Белград, 2008. URL: <http://www.russian.slavica.org/article1265.html> (дата обращения 2 июня 2010 г.). Загл. с экрана.

на предмет выявления текстов Люценко; атрибутировать произведения, вышедшие отдельными изданиями без указания автора (переводчика);

– проанализировать оригинальные тексты Люценко, представляющие ведущие жанры в его творческом наследии;

– проанализировать значимые переводные сочинения.

Материалом исследования служат оригинальные и переводные произведения Люценко; журналы конца XVIII – начала XIX вв. («Дело от безделья», «Прохладные часы», «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», «Магазин Общепользных знаний и изобретений», «Труды Санкт-Петербургского вольного экономического общества», «Журнал для милых», «Журнал для пользы и удовольствия», «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов», «Соревнователь просвещения и благотворения» и др.), а также «Военный энциклопедический лексикон»; отдельные сочинения (в том числе и переводные) русских писателей, поэтов XVIII – XIX вв.; отдельные произведения (в том числе на языке оригинала) европейских поэтов XVIII – XIX вв.; древнерусские тексты («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем»), а также Иоакимовская летопись, изложенная в «Истории Российской» В.Н. Татищевым; журнальная критика и публицистика конца XVIII – начала XIX вв.; воспоминания и эпистолярный сочинения современников; сведения об устройстве учреждений, в которых проходила служебная и общественная деятельность Люценко.

Воссоздание жизненного пути Люценко основывается на **методологических принципах**, провозглашенных Ю.Н. Тыняновым и Ю.М. Лотманом.

Теоретической базой изучения литературной деятельности Люценко, в частности, её вписанности в литературный процесс рубежа XVIII – XIX вв. послужили исследования В.Г. Базанова, Г.А. Гуковского, А.В. Западова, Н.Д. Кочетковой, И. Клейна, О.Б. Лебедевой, Г.П. Макогоненко, Вл. Орлова, П.А. Орлова, Ю.В. Стенника, статьи сборников «XVIII век», «Проблемы изучения русской литературы XVIII века». При изучении жанра баллады важными для нас оказались суждения Д. Балашова, А.М. Микешина, В.К. Соколовой; жанра идиллии – работы А. Кросса, А. Пескова; жанра литературной сказки – Н.А. Тарховой; жанра поэмы – А.Н. Соколова, Л.А. Казаковой. Рассматривая проблемы предромантизма в русской литературе и творчестве Люценко мы опирались на исследования А.В. Архиповой, В.В. Биткиновой, А.Н. Пашкурова, А.В. Петрова, Т.В. Федосеевой. Анализ переводных произведений Люценко велся с учетом положений, почерпнутых в трудах Р.Ю. Данилевского, Ю.Д. Левина, О.А. Смолян, А.В. Федорова. Из трудов о масонстве в России наиболее важными для нас явились исследования А.Н. Пыпина, С.М. Некрасова, Н.И. Николаева.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– Впервые собраны, уточнены и систематизированы разрозненные факты биографии Е.П. Люценко: на основе анализа автобиографических мотивов поэтических произведений писателя воссоздана атмосфера жизни семьи, конкретизирован духовно-нравственный образ родителей, наставников, друзей и благодетелей; прослежен путь становления личности Люценко в процессе его обучения в различных учебных заведениях – от Черниговской духовной семинарии до Московского университета; рассмотрена служебная и общественная деятельность литератора в связи с его социально-культурным самоопределением.

– Установлен корпус литературного наследия писателя, при этом тексты классифицированы по степени достоверности их атрибутирования.

– Проведен комплексный анализ оригинальных и переводных произведений Люценко в соотнесении с поэтикой жанров, направлением эстетических и философских исканий рубежа XVIII – XIX вв.

– В процессе анализа многоаспектной деятельности Е.П. Люценко выявлены и описаны отдельные примечательные события и ситуации литературной жизни, в частности, доказывається факт встречи-знакомства Люценко с Державиным, предлагается новая трактовка взаимоотношений Пушкина и Люценко в сюжете публикации сказочной поэмы «Востола, или Желания». В значительном объеме вводятся в научный оборот материалы из редактировавшегося Люценко журнала «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов», заполняя лауну в истории журналистики начала XIX в. Разбор переводов Люценко из Виланда и Шиллера раскрывает одну из страниц русско-немецких литературных связей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жизненный путь литератора Е.П. Люценко высвечивает типичные черты человека эпохи конца XVIII – начала XIX вв. – «чиновника из класса ученых» (формула П.А. Плетнева): выпускник духовной семинарии, продолживший свои нравственно-интеллектуальные искания в светском образовании; разночинец, ищущий и находящий поддержку в аристократических семьях; филантроп и просветитель, поддерживающий государственные начинания, направленные на улучшение жизни подданных, и принимающий непосредственное участие во многих нововведениях (Практическая школа земледелия, медико-филантропический комитет, департамент уделов, Царскосельский лицей, Провиантский департамент).
2. Мировоззрение поэта эклектично. Сочетание политического консерватизма и социального демократизма обусловлено происхождением Люценко и кругом его общения: аристократы Чичерины, Шереметьевы, Кушелевы-Безбородко, члены оленинского кружка, с одной стороны, разночинцы А. Котельницкий, И. Нехачин, А. и И. Боровковы,

А. Никитин и др. – с другой. Религиозно-просветительские искания поэта определяются влиянием на него наставников: доктора медицины Д.С. Самойловича, ректора Черниговской духовной семинарии Иерофея (Малицкого), духовного наставника императорской семьи протоиерея А.А. Самборского.

3. Литературные занятия Люценко органично сочетаются с его служебной деятельностью. Дидактичность, назидательность сочинений обусловлена как традициями литературы XVIII века, так и стремлением принести реальную пользу отечеству в решении проблем, обнаруживающихся при несении государственной службы.
4. Эволюция творческого облика Люценко (автор оригинальных сочинений – переводчик западноевропейской поэтической классики, а затем материалов текущей периодики – организатор и участник литературно-просветительских объединений – составитель, редактор и корректор научно-популярных изданий и журналов) обусловлена, главным образом, спецификой литературного процесса конца XVIII – начала XIX вв.: стремительностью развития литературы и языка, постоянно обновляющимися задачами отечественной словесности, запросами читателей, которым рядовой литератор не успевал соответствовать, – а также жизненными обстоятельствами (необходимость обеспечивать семью).
5. Оригинальные и переводные произведения Люценко вбирают в себя ведущие литературные тенденции эпохи: размывание жанровых границ, взаимодействие поэтики сентиментализма и предромантизма, поиск национальной идентичности, выразившийся, в частности, при создании баллады и «эпических опытов» в обращении к фольклорным и древнерусским литературным источникам. Некоторые открытия в области проблематики и поэтики, которые получают окончательное оформление в творчестве более талантливых поэтов, появляются в произведениях Люценко раньше (в идиллиях – элементы «современной», «городской» культуры, мотив самоубийства; в «эпических опытах» – обращение к историческим сюжетам, которые позже привлекут внимание декабристов; в переводе – понимание Шиллера не только как драматурга, поэта «бури и натиска», но и как поэта-философа).
6. На протяжении всего творческого пути в произведениях различных жанров (идиллия, послание, ода, поэма, публицистическая и критическая статья, философская лирика) возникают мотивы идиллической поэзии, основывающиеся на представлении об идеальном состоянии мира, которое определяется не только условиями жизни, но и поведением человека. Люценко, будучи продолжателем геснеровских традиций, в буколической поэзии воплощает характерные для русской идиллии этого времени эстетические категории (Тишина, Мечта) и проблемы (трансформация / крушение «аркадского мира»).

7. Вопрос о взаимоотношениях Пушкина и Люценко не стоит рассматривать односторонне, лишь как акт пушкинского милосердия в адрес нуждающегося в материальной поддержке литератора средней руки. Обращение Люценко к Пушкину за помощью в издании поэмы «Востола, или Желания» имеет литературные предпосылки (ориентация поэта-переводчика на пушкинские опыты в жанре сказки и в разработке образа демократического героя), а также бытовые обстоятельства (лицейские связи, родство Пушкиных и Чичериных, содействие Пушкина П.П. Ершову в публикации «Конька-горбунка»).

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении взаимодействия и трансформации ведущих идей, тем, проблем, жанров литературы, форм литературной жизни рубежа XVIII – XIX вв., а также в дальнейшей разработке проблемы «второстепенных авторов» на примере творчества конкретного писателя.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы для составления новой словарной статьи «Ефим Петрович Люценко» с исправлением всех выявленных ошибок. Результаты текстологического изучения могут быть применены при комментировании текстов Люценко в случае их публикации в изданиях типа «Библиотека поэта» (ср.: «Поэты 1790–1810-х годов», 1971). Роспись содержания «Европейского музея, или Извлечения из иностранных журналов» представляет собой материал для библиографического справочника типа «Сводного каталога сериальных изданий России». Систематизированный и расширенный список псевдонимов Люценко может служить дополнением (в качестве примечания) к фундаментальному труду И.Ф. Масанова «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в случае его переиздания. Результаты работы могут быть применены также в вузовском курсе по истории русской литературы XVIII – первой четверти XIX вв., в специальных курсах, посвященных буколической поэзии, эпической поэме малой формы, ирои-комической поэме, русско-европейским литературным связям, проблемам предромантизма.

Апробация научных результатов диссертации осуществлялась на ежегодных Всероссийских научных конференциях «Филология и журналистика в начале XXI века» (Саратов, 2004–2011), на научной конференции «А.П. Сумароков и русская литература (к 290-летию со дня рождения писателя)» (Москва, ИМЛИ РАН, 2007), на научно-практической конференции «Предромантизм и романтизм в мировой культуре» (Самара, 2008), на межвузовской научной конференции «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Саратов, 2008), на межрегиональных Пименовских чтениях «Церковь, образование, наука: православная культура – основа духовно-нравственного здоровья общества» (Саратов, 2008–2010), на III Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном кон-

тексте» (Москва/Покровское, 2009), на Второй всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время» (Казань, 2010).

По материалам диссертации опубликовано 14 статей, из них 3 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура и объем работы определены ее целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений, библиографического списка. В Приложение 1 входит перечень произведений Е.П. Люценко и изданий, в которых он участвовал; в Приложение 2 – полная роспись содержания журнала «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов» (1810, №№ 1 – 32).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассматривается историография вопроса, обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, методологические основы, характеризуется научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **главе первой «Литератор Ефим Петрович Люценко. Биографический аспект изучения»** осуществляется попытка реконструкции жизненного пути забытого автора, его мировоззрения, интересов, и, по возможности, характера.

Первый раздел **«Ранние годы. Семья. Наставники и благодетели»** посвящен воссозданию атмосферы, в которой воспитывался будущий поэт. Ефим Петрович Люценко родился 12 (23) октября 1776 г. в селе Яновка Черниговского полка. Сведения о его семье крайне скудны. Известно лишь, что отец, Петр Люценко, был священником. Анализ автобиографического «Послания. К И.Г. и С.Г. Мрчвскм. (По возвращении из Малороссии.)», элегического плача «Сирота на гробе матери» Люценко позволяет предполагать, что мать поэта происходила из обедневшего дворянского рода Морачевских. Выдвинутое предположение подтверждает и факт обучения Ефима в Шкловском благородном училище, для поступления в которое требовалось представлять доказательства дворянского происхождения принимаемого кадета.

Духовно-нравственный облик Люценко складывался под воздействием семейного окружения, руководителей учебных заведений. Первым наставником для Ефима стал друг семьи, земляк Данила Самойлович Самойлович, доктор медицины, основоположник российской эпидемиологии, почетный член двенадцати иностранных академий. Д.С. Самойлович, будучи старше Люценко на 52 года, заменил ему деда и отца. В этой дружбе-ученичестве проявляются черты характера Ефима – благодарность, умение ценить проявленную к нему доброту, чувство долга, тяга к

познаниям, которые можно применить практически. Горячая признательность Люценко Самойловичу выражена в дважды опубликованном послании (1793, 1804), в ответной помощи пожилому доктору (подача в цензурный комитет сочинения Самойловича). Другим наставником для Люценко стал ректор Черниговской духовной семинарии Иерофей (Малицкий). Епископ Иерофей оказывал духовную и материальную поддержку юному Люценко, на что указывают автобиографические «Стихи Его Преосвященству, Епископу Черниговскому и Нежинскому». На одном полюсе – человек, тяготеющий к научному познанию мира, естественник, медик, олицетворяющий светское восприятие действительности. Не случайно Люценко обращается в стихах к Самойловичу как к «усердному рачителю просвещения». На другом полюсе – лицо духовное, призывающее постигать жизнь через молитву, через Священное писание. Иерофея поэт называет «пастырем души».

Первой *alma mater* для Люценко стала Черниговская духовная семинария. Здесь на занятиях по поэтике Ефим открыл для себя мир римских классиков – Горация, Овидия, Вергилия, – которых позже будет свободно перелагать («Персей», «Сцилла» – из «Метаморфоз» Овидия, «Ода IX. К Галиарху», «Удовольствия сельской жизни» – из од Горация). Семинария дала и блестящие знания иностранных языков (латинского, польского, греческого, немецкого, французского).

Второй раздел освещает **«Духовные и интеллектуальные искания»** Люценко. К возможным причинам ухода Люценко из семинарии мы относим стремление обрести независимость, суровые условия быта семинаристов, малороссийский обычай свободы выбора деятельности детей из духовного сословия. Обращение литератора к духовным одам, переложению псалмов, к переводу одной из популярнейших в кругах масонов книг «О познании самого себя» И. Масона и выявленный факт посещения поэтотом гостиных «вольных каменщиков» не стоит однозначно расценивать как свидетельство причастности Люценко к масонской ложе, это в большей мере является «замещением не востребовавшего религиозного чувства» (Ю.В. Стенник). Анализ творчества поэта («Судьба наук», «Полезность просвещения», статья-предисловие «Нечто о достоинстве и прежних переводах Потерянного и Возвращенного рая») показывает, что религиозное мироощущение Люценко, соединяясь с идеями идеологов Просвещения, порождает эклектичную позицию. Если просветители шли от отрицания религии, отстаивая, в основном, деистическую теорию, то Люценко подчеркивает неразрывность божественного и просветительского начал. Подобная мировоззренческая парадигма характерна для литературы второй половины XVIII века (ср. Н.И. Новиков, И.П. Тургенев, А.М. Кутузов). Люценко предваряет триаду С.С. Уварова «православие-самодержавие-народность». Соединение активной деятельности и духов-

ного созерцания – учений первых наставников – Люценко находит в беседах и деятельности своего третьего учителя, Андрея Афанасьевича Самборского, руководителя Практической школы земледелия, настаивавшего на «прямой системе религии евангельской и религии сельской, из которых происходят благоденствие и трудолюбие».

В третьем разделе **«Годы учения. Московский университет»** реконструируются шкловский (1791–1793) и московский (1793–1799) периоды жизни поэта. Обучение в Шкловском кадетском корпусе поможет в дальнейшем Люценко и в служебной (военное министерство, Провиантский департамент, Военно-учительский институт) и в литературной деятельности (редактор, переводчик «Военного энциклопедического лексикона», корректор «Инженерных записок»). Здесь поэт приобретает и навыки, обязательные в светском обществе: танцы, верховая езда, инструментальная музыка. К 1796 году Люценко остается сиротой, и обучение в гимназии при Московском университете – результат благодеяний княгини Е.А. Долгоруковой и семейства Чичериных, о чем свидетельствуют послания гимназиста, «Стихи на приезд ея сиятельства Княгини Елены Алексеевны Долгоруковой в Москву, всеусерднейше поднесенные, 1793 года Сентября в день», «Взор на будущее. *К В. В. и М. Вас. Г. Чич.****». Последнее вместе с «Эпистолой. *К другу. (Из деревни)*», «Посланием к другу. *По возвращении из деревни*» образуют цикл, отражающий последовательный автобиографический контекст, который освещает не упоминаемые литературоведами московские страницы жизни поэта. Адресат этих стихов – семейство Чичериных – можно установить с большой долей вероятности благодаря упоминаемым текстовым и околотекстовым топонимам (река Жиздра, Калуга, имение Березичи).

Эмоционально-психологическое состояние Люценко сопоставляется с настроением, интеллектуальными поисками его современников, отраженными в воспоминаниях Ф.П. Лубяновского (борьба духовного и светского воспитания, предромантические мечты и жажда гражданского подвига) и письмах В.А. Жуковского (описание атмосферы канцелярии Д.П. Трощинского, будущего начальника Люценко). Чувство одиночества, граничащее с чувством безысходности, интеллектуальный вакуум – настроение, охватившее выпускников университетов при столкновении с реальностью государственной службы. Идеальные представления вчерашних студентов не находили опоры в окружающей действительности, ломались жизни сотен людей. В числе таковых оказался и Люценко: вскоре по «общей слабости чиновников из класса ученых», он стал «попивать» (П.А. Плетнев).

В четвертом разделе **«Практическая школа земледелия»** рассматривается влияние организации учебного процесса школы на позицию литератора по вопросу просвещения крестьян. Внесловная школа предполагала сословный подход к обучению. В 1810 г. в «Европейском музее»

(№ 20, 21) за подписью «от неизвестного» был опубликован «Ответ на письмо Штаб лекаря Б... присланное им из Лифляндии в Импер. В. Эк. Общ. о просвещении тамошних крестьянских детей». Люценко, будучи составителем и редактором номера, не мог не знать «Ответа...», а, вероятнее всего, он сам является его автором, и положение о том, что образование крестьянских детей имеет негативные последствия (раскол в семье и деревне, развращение нравов, уход в город), – выражение собственной точки зрения. «Ответ...» – еще один пример эклектичности мышления Люценко. Сквозь общую руссоистскую идею пагубного влияния наук на человека («Рассуждение о науках и искусствах») слышны сентименталистские призывы к доброму сердцу и честной душе; реакционная позиция незыблемости существующего государственного строя защищается апелляцией к лучшим чертам патриархального уклада (уважение к старшим, преемственность семейного дела), идеализацией сельской жизни и сельских нравов (селянин далек от городских пороков). «Ответ...» рассматривается в контексте собственного творчества Люценко («Глас радости Марта 12-го дня 1805 года») и сочинений, посвященных проблемам воспитания, образования: «Письмо сельского жителя», «О новых благородных училищах, заводимых в России», «О новом образовании народного просвещения в России», «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина, «Опыт о просвещении относительно к России» И.П. Пнина, трактат «О воспитании» А.Ф. Бестужева, «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах», «Русский помещик» Н.В. Гоголя. Анализ данных произведений показывает, что категория «крестьянин» встречается крайне редко: речь идет о просвещении человека, гражданина. Крепостные крестьяне, не имеющие права на образование, существовали в сознании даже наиболее передовых русских деятелей как некая абстрактная философская единица, нечто неразрывно связанное с помещиком, как сословие, которое, главным образом, должно заботиться о своем нравственном облике. Сословное мышление Люценко было сформировано окружающей действительностью. Приведенные в «Ответе...» доводы против образования крестьян при рассмотрении их в контексте крестьянского вопроса не кажутся регрессивными. Мировоззрение многих передовых людей этого времени, в том числе и Люценко, – сплав прогрессивного и консервативного, понимание безнравственности существующего в России рабовладения и восприятие самодержавия, незыблемости существующего строя как единственно правильной системы.

Пятый раздел **«На чиновничьей службе. В среде литераторов и просвещённых любителей искусств»**. Н. Смирнов-Сокольский очень точно характеризует Люценко как весьма трудолюбивого писателя. Это в полной мере можно отнести и к Люценко-чиновнику: все занимаемые им должности были невысоки (столоначальник департамента уделов, това-

рищ непременно секретаря хозяйственного отделения медико-филантропического комитета, секретарь хозяйственного правления Царскосельского лицея, комиссионер в Провиантском департаменте, инспектор классов в Военно-учительском институте), требовали дисциплинированности, ответственности, педантичности, внимания к деталям. Подобные черты проявляются и в творчестве писателя (в частности, при составлении примечаний). Частые переходы литератора из одной государственной структуры в другую обусловлены не только поиском дохода для обеспечения семьи, но и «новоиспеченностью» структур, не устоявшимися механизмами их функционирования, стремлением Люценко найти занятие «по душе». Так, филантропический уклон 1-го стола Департамента уделов (наделение крестьян землями, лесами, заведение в имениях школ, госпиталей, богаделен, магазинов, устройство фабрик, рукоделий и т.п.) подчеркивает просветительские интересы поэта, а добровольный уход с поста столоначальника на должность секретаря в Лицее демонстрирует неамбициозность Люценко, поиск дела, родственного его интеллектуальным интересам: именно в 1811 году он издает «Полную новейшую французскую грамматику», которая с успехом была введена в нескольких учебных заведениях и повлекла за собой перевод «Французской грамматики Ломонда» в 1818 г.

Круг литературных знакомых Люценко был широк: А. Котельницкий, М.Н. Макаров, А.А. Варенцов, Ф.А. Шрёдер, М.П. Бакунин, Н.И. Греч, А.Д. и И.Д. Боровковы, А.А. Никитин и мн. др. За помощью в издании своих переводов Люценко обращался к И.В. Нехачину, А.Н. Оленину, Д.Н. Шереметьеву, А.Г. Кушелеву-Безбородке, А.С. Пушкину, И.П. Песоцкому. Анализ «Письма к приятелю. Из деревни Т.....», выявленные в нем аллюзии, реминисценции, соответствия описываемых событий реальным фактам биографии Люценко, Котельницкого и Державина позволяют утверждать, что в данном стихотворении описано случайное посещение Люценко дома Г.Р. Державина. В тексте условно можно выделить два семантических поля: первое связано с адресатом, приятелем (Котельницким), второе – с великим певцом (Державиным). Портрет последнего калейдоскопичный: строки объединяются в микросюжеты, каждый завершен по смыслу (описательно представляет тот или иной жанр, в котором проявил себя Державин), имеет единое синтаксическое оформление. Первая микротема отсылает к читалагайским одам и оде «Властителям и судиям»; вторая – указывает на любовную лирику Державина; третья – вызывает в памяти поэтические тексты Державина о битвах и победах русских войск («На взятие Измаила», «На взятие Варшавы», «На переход Альпийских гор», «На победы в Италии») и стихотворения, обращенные к полководцам А.В. Суворову, П.А. Румянцеву, В.А. Зубову («Заздравный орел», «К лире», «Капнисту», «На покорение Дербента», «На возвращение графа Зубова из Персии»). Четвертый мик-

росюжет представляет аллюзию на «Флот» Державина, пятый – указание его на государственную службу, общественную деятельность, сатирические портреты («Павлин», «Вельможа»).

В шестом разделе «**Лицей. Вольное общество любителей российской словесности**» освещаются лицейские связи Люценко, его деятельность как организатора и участника ВОЛРС. Юным лицеистам поэт читает свои сочинения, в частности, «Вастолу». В дальнейшем литератор не раз столкнется с повзрослевшими слушателями, значительно превзошедшими его успехи (Дельвиг, Кюхельбекер, Илличевский, Пушкин, Корф).

В 1816 г. Люценко участвует в организации ВОЛРС, занимает должности сначала председателя, затем кандидата помощника председателя, цензора стихотворений, рядового участника. На заседаниях ВОЛРС он встречается с Е.А. Баратынским, Н.А. и А.А. Бестужевыми, Ф.Н. Глинкой, Н.И. Гнедичем, А.А. Дельвигом, А.Е. Измайловым, А.Д. Илличевским, В.К. Кюхельбекером, И.И. Лажечниковым, Н.Ф. Остолоповым, В.И. Панаевым, П.А. Плетневым, К.Ф. Рылевым, О.И. Сенковским, О.М. Сомовым, В.И. Туманским, Д.И. Хвостовым, Д.И. Языковым и мн. др.

Характер деятельности литератора в ВОЛРС позволяет трактовать формулу Г.А. Гуковского «верный слуга полицейской монархии» не как верного делом (шпион), а как верного умонастроением, слиянием собственного мировоззрения с идеологией государства: во-первых, Люценко сам стоит у истоков создания ВОЛРС, а не принят впоследствии; во-вторых, документальных свидетельств, подтверждавших бы его сотрудничество с тайной канцелярией, не встречается; в-третьих, в 1821 г. Люценко сам становится объектом пасквиля, своеобразного печатного доноса. В памфлете Н.М. Загоскина «Общество несчастных, довольных собою», опубликованном в «Благонамеренном», Люценко высмеивается как «несчастный по службе», как стихокропатель, пишущий польско-сербским наречием.

Ефим Петрович Люценко скончался на 78 году жизни, 26 декабря 1854 г. (7 января 1855). Он был похоронен на Смоленском кладбище рядом с женой, там же погребены его дети.

Глава вторая «Литературное наследие Е.П. Люценко: проблема установления границ» носит текстологический характер. Объем творческого наследия Люценко установить в полной мере крайне сложно: не существует ни прижизненного, ни посмертного собрания сочинений поэта, произведения «разбросаны» в журналах конца XVIII – первой четверти XIX вв. и в бумагах частных лиц (неопубликованные тексты); переизданными являются лишь отрывок из «Вастолы» и «Похищение Прозерпины». Восстановлению полного корпуса текстов препятствует также их анонимность, публикация под псевдонимами. На основе указаний самого Люценко и его современников, а также собранных нами сведений из различного

рода справочных изданий, словарных статей, на основе работы с каталогами РНБ и РГБ выясняется, что к числу бесспорно принадлежащих нашему автору оригинальных и переводных сочинений относятся 98 текстов, изданных как отдельно, так и в составе журналов. К ним стоит добавить и упомянутую Люценко в автобиографической записке систематическую выписку из «Трудов Санкт-Петербургского императорского вольного экономического общества». 13 текстов отнесены нами в группу *dubia*. Используемые Люценко псевдонимы восстанавливаются по работам Д. Кобеко, В.С. Карцова и М.Н. Мазаева, А.В. Смирнова, И.Ф. Масанова, уточняются собственными находками, общее число псевдонимов – 22.

Жанровый состав литературного наследия Люценко многообразен: идиллии, духовные, философские, торжественные, анакреонтические оды, переложения псалмов, дружеские послания, стихи на случай, элегии, «легкая» поэзия, рондо, песни, баллада, эпистола, стихотворные повести, поэмы (ирои-комическая, сказочная, религиозная), эпические опыты, сентиментальные повести, роман, французские грамматики, философские, сельскохозяйственные трактаты. Жанровая пестрота определяет и тематическое разнообразие произведений литератора.

В первом разделе **«Отдельные издания сочинений Е.П. Люценко»** особое внимание отведено атрибуции таких текстов как «Похищение Прозерпины», «Яшенька и Жеоржетта, или Приключение двух младенцев, обитавших на горе», «Наука любить». В научной литературе вопрос об авторстве «Похищения Прозерпины» (Е.П. Люценко / А.М. Котельницкий / совместный труд) оставался открытым, при этом не проводилось разграничение между первой (1795) и второй (1805) редакциями текста. Сопоставительный анализ сопровождающих поэму предисловий («От сочинителей» (1795), «К читателям» (1805)), творческих замыслов поэтов («Издам поэму пребольшую») позволяет предполагать, что первая редакция «Похищения...» – плод совместной работы Люценко и Котельницкого, вторая редакция – исключительно инициатива Люценко. Сведения В.Н. Рогожина о том, что перевод «Науки любить» был осуществлен не Ефимом Люценко, а Иваном Тамаевым не подтвердились: последний отсутствует в числе выпускников Шкловского кадетского корпуса. Данные автобиографической записки Люценко, жанр переводной поэмы (пограничное положение между бурлескной поэмой и идиллиями), наличие и характер примечаний (их тематическое разнообразие: исторические, географические, бытовые) указывают на «почерк» литератора, что позволяет отнести «Науку любить» к переводным произведениям Люценко.

Во втором разделе **«Работа Е.П. Люценко в периодических изданиях»** раскрывается сотрудничество Люценко с такими журналами как «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», «Магазин Общепольных знаний и изобретений», «Труды Санкт-Петербургского

вольного экономического общества», «Журнал для пользы и удовольствия», «Соревнователь просвещения и благотворения». Проведенное исследование периодических изданий «Дело от безделья», «Журнал для милых» на выявление в них сочинений Люценко не дало положительных результатов, поэтому данные журналы были включены в раздел dubia. Изучение выпусков «Трудов ВЭО» за период с 1801 по 1818, обнаруженная запись «ставит точку» в разночтениях относительно года вступления литератора в Вольное экономическое общество: этим годом следует считать 1808.

Тринадцать номеров (с № 12 по № 24) «Европейского музея, или Извлечения из иностранных журналов» рассматривается нами как целостный текст, так как Люценко выступает в них единственным составителем, редактором, переводчиком, публицистом и критиком. В отличие от первых одиннадцати номеров (редактор Н.И. Греч), пестривших самыми разнообразными разделами, составленные Люценко выпуски журнала носят исторический, литературный характер. В новоявленном редакторе обнаруживается, прежде всего, любовь к словесности (см. жанровый состав: сентиментальные повести, литературный, музыкальный и исторический анекдоты, разбор стихотворений Хвостова) и склонность к дидактике. На первый план литератор выдвигает историческую личность и историческое событие. Эклектизм, проявляемый Люценко в поэтическом творчестве, заявляет себя и здесь: жанровые границы многих публикуемых статей размыты, он синтезирует разделы «История» – «Биография» – «Литература», превращая их в художественно-публицистический портрет какого-либо исторического деятеля (Дидро, Петр Великий, Анна Иоанновна, Людовик XV, корсары Дюгей-Труэн и Вальтер Ралейг и др.). Произведения различных жанров приобретают политическую окрашенность (в том числе музыкальный анекдот, сентиментальная повесть). Люценко-составитель откликается на самые злободневные вопросы (галломания, сентиментализм, крестьянский вопрос), и публикуемые им статьи вступают в диалог с литературой и публицистикой конца XVIII – начала XIX вв. («Санкт-Петербургский журнал» (1798), «Журнал Российской словесности» (1805), «Вестник Европы» (1808–1809), «Цветник» (1809–1810) и др.).

Глава третья «К поэтике оригинальных и переводных сочинений Е.П. Люценко (опыты анализа)». Поэтическое кредо литератора формировалось в подшиваловском кружке – для него такие свойства поэзии как приятное, прекрасное, неразрывно связаны с представлением о пользе и рациональном начале.

Раздел первый **«Буколическая поэзия. Идиллическое мирозерцание».** В творчестве Люценко в зависимости от жанровой принадлежности и времени создания текстов можно заметить трансформацию постоянного идиллического мотива, мотива Аркадии, земного рая. В сюжетах сочинений, помещенных в «Приятном и полезном препровождении време-

ни» (1794–1798) идеальный топос выступает в двух функциях: персонажи или пребывают в нем, или его теряют. В произведениях, опубликованных в «Журнале для пользы и удовольствия» (1805), доминантной становится мысль о том, что человек сам созидает свое счастье, поэтому герои становятся главными строителями идиллического мира, и идеальный топос уже не статичная картинка, а формирующаяся. Герой стихотворной повести «Габриель д'Этре» Беллегард, покинув райский уголок, сам инициирует свое горе (рассказывает королю о прекрасной возлюбленной), отчаяние толкает его на самоубийство. Это крушение не всего аркадского мира, но гибель причастного к нему человека. Данная концовка вбирает широко распространенное в русской литературе под влиянием Ж.Ж. Руссо, С. Геснера, А. Галлера противопоставление цивилизованного мира и тихого уголка, удаленного от светских забав. Люценко делает шаг в том направлении, которое в дальнейшем будет разработано А.А. Дельвигом.

Для Люценко, как и для многих его современников, характерно смешение буколических поджанров (идиллия / эклога / пастораль). Выделяются две группы текстов, связанных с буколической поэтикой: идиллии в классическом понимании («Снисхождение», «Овечки», «Идиллия. *Лукас и Ерминия*», «Ослепленный Амур», «Удовольствия сельской жизни») и произведения других жанров, значительную роль в которых играют идиллические картины («Утро», «Эпистола. *К другу*», «Быстротечность», «Весна»). Во второй группе идиллические картины (наступление утра, работа пахаря, пастушьи игры и любовь) становятся стимулом для размышлений о смысле человеческой жизни, об устройстве Вселенной, для пессимистических умозаключений, вплоть до неизбежности гибели наций, что являет предромантическое настроение поэта.

Р.Ю. Данилевский относит Люценко к числу наиболее активных представителей русского геснеризма. Из поэтического наследия литератора самыми близкими к идиллиям С. Геснера оказываются «Доброй человек», «Арист»; философско-медитативные оды «Утро», «Быстротечность» и «Весна» примыкают к такому роду произведений Геснера как «Мир травы», «Ночь», «Утренняя песнь». Если у Геснера на первый план выдвинуто наблюдение, описание мельчайших элементов природного мира, то у Люценко этот приём становится способом одухотворения: каждый «объект» природы наделяется своей историей. Яркие пейзажи Люценко создает с помощью цветописи, звукописи, детализации. Среди красок преобладают светлые, теплые тона; пурпурный вносит в цветовую гамму сочность и насыщенность. Звуковой фон наступающего утра и весны – сакральная Тишина. Для Люценко тишина выступает неотъемлемым элементом мироустройства, даже звуки, исходящие от представителей флоры и фауны, воспринимаются лирическим героем как тишина. Особую роль при воссоздании величия природы Люценко отводит солнцу, заре. Оды «Утро» и

«Весна» включаются в контекст лирики русского сентиментализма, пронизанной солярной поэтикой (М.Н. Муравьев, И.И. Дмитриев, В.В. Капнист, М.А. Пospelова, А.М. Бакунин).

Второй раздел **«Предромантический историзм в балладе и эпических опытах Е.П. Люценко»**. Обращение к древней русской истории, особенности трактовки исторических и вымышленных лиц отражают представление Люценко о формировании русской ментальности, характерный для предромантизма поиск «национального». Структура текстов, их жанровая динамика (переход от балладной к эпической форме) свидетельствуют об усилении предромантических тенденций в творчестве Люценко, о возрастании значения источника для поэта. Баллада «Церна. Княжна Черниговская» органично «синтезирует» в себе образно-стилевую систему фольклорных, древнерусских памятников и литературных произведений. Неизвестно, имеет ли Церна прямой исторический прототип, но можно предполагать три источника, вдохновивших поэта. Сходный эпизод находим в «Повести о разорении Рязани Батыем». Образ юной девушки, отстаивающей свою честь и независимость от иноверного захватчика родной земли, является собирательным, нередко встречается в исторических песнях и балладах («Дмитрий и его невеста Домна»). Печальную легенду о княжне поэт мог слышать в Черниговской духовной семинарии. Люценко обращается к истории Чернигова не только в связи с его сильным разрушением во время монголо-татарского нашествия. Для него это история его малой родины.

Люценко открывает плеяду авторов (В.Т. Нарезный, А.Ф. Воейков, С.Н. и Ф.Н. Глинка), обратившихся к созданию небольших поэм исторического содержания. Сюжетная основа «Чеслава» почерпнута Люценко из «Повести временных лет», из цикла рассказов о военных походах киевского князя Святослава – эпизод осады Киева печенегами в 968 году. Основу эпического опыта «Буриной и Ульмила» составляет исторический факт борьбы новгородского князя Буриной с варягами, упоминаемый в Иоакимовской летописи, изложенной в «Истории Российской» В.Н. Татищевым. Люценко, как и многие его современники (М.Д. Чулков, М.И. Попов, В.А. Левшин, П.Ю. Львов, А.Н. Радищев, Г.П. Каменев, Г.Р. Державин), обращается к изображению событий дохристианской Руси: перед читателем разворачиваются картины спасения русских столиц (Киев, Новгород), объединение русских племен для борьбы с иноземцами, для отстаивания своей независимости, то есть моменты, при которых русский характер проявляет себя в полной мере. Воспитательное значение имеет и другая особенность работы Люценко над историческими источниками: заключительные сцены его эпических опытов не совпадают с летописными, читателю остаются известны только славные русские победы, а менее героические перемирие или поражение от него скрыты. Образно-

стилевая система «Чеслава», «Буривая и Ульмилы» основана на предромантической поэтике (сновидение, посещение гробницы, переодевание героини в мужские доспехи, любовная трактовка исторического конфликта), стилистических откликах на «Слово о полку Игореве».

Третий раздел **«Переводные произведения»**. Переводы Люценко – не разрозненные «одиночки»: они либо тематически связаны друг с другом, либо тесно примыкают к его оригинальному творчеству. «Раздел земли» из Ф. Шиллера, с одной стороны, становится поэтическим завершением ряда переводных статей с социально-политической проблематикой, с другой стороны, имманентен собственному творчеству Люценко 1805 г. («Энтузиазм», «Поэт»). Литератор одним из первых открывает русскому читателю Шиллера-поэта, а не Шиллера-драматурга, автора «Разбойников». Перевод Люценко – первый перевод «Раздела земли» на русский язык, что оказалось несправедливо упущенным Н.В. Гербелем, М.М. Стасюлевичем, Н.К. Михайловским, С.А. Венгеровым, приписавшим первенство В.А. Жуковскому. Проведенный сопоставительный анализ оригинала «Die Teilung der Erde» и переводов Е.П. Люценко, В.А. Жуковского, А.Н. Струговщикова выявляет авторское мировоззрение, литературные традиции эпохи создания, этапы переводческой мысли в России. Перевод Люценко отражает сложный синтез различных культурных, литературных пластов: античность, Библия, Просветительство, предромантизм. Люценко вводит героя, отсутствующего у Шиллера и у других переводчиков, – философа; это одна из ключевых фигур просветительской и сентименталистской литературы, в соответствии с образно-стилевой системой которой поэт создает немало своих произведений («Граф Штруензе», «Три дни философа Симонида»).

Работа Люценко над переводной сказкой «Вастола, или Желания» обусловлена как устойчивым интересом к взглядам, творческому наследию К.М. Виланда (афоризмы Виланда в «Европейском музее», «Испытание Авраама»), так и процессами, происходящими в русской литературе: демократизация, стремление литературы к народности, поиск национальных форм искусства, интерес к устному народному творчеству. Описание автографа «Вастолы», данное Б.В. Томашевским, позволяет предполагать 3 редакции текста: 1807, 1820 и 1834 гг. Редакция 1807 г. – обращение к переводу сказочной поэмы – вызвана продуктивной разработкой данного жанра В.А. Левшиным, М.И. Поповым, Н.М. Карамзиным, Н.А. Львовым, А.Н. Радищевым, Н.А. Радищевым, М.М. Херасковым, Г.П. Каменевым, Г.Р. Державиным, С.С. Андреевым и др. Люценко учитывает опыт русских сатирических журналов XVIII в., опыт «Причудницы» И.И. Дмитриева. Редакция 1820 г., вероятно, связана с изменениями, внесенными Виландом, и с работой над переводом появившейся третьей части. Редакция 1834 г. вновь коррелирует с литературным процессом, при

этом особую роль приобретают пушкинские тексты («Моя родословная», «Медный всадник», сказки). Под их влиянием Люценко осуществляет новую редакцию «Вастолы» и обращается с просьбой об издательской помощи именно к Пушкину, так как надеется заинтересовать первого русского поэта сочинением, имеющим точки соприкосновения с его собственными произведениями. Надежду на помощь Пушкина пожилому литератору вселяли лицейское прошлое, родство Пушкиных и Чичериных (московских друзей и благодетелей Люценко), издательские планы Пушкина по отношению к «Коньку-горбунку» П.П. Ершова.

«Вастола», венчая творчество Люценко, возвращает к его истокам – буколической поэзии, ирои-комической поэме, и выполняет просветительскую функцию, что выражает пафос литературной деятельности поэта. Жанр оригинала – сказочная поэма – в процессе перевода трансформируется: эпический бытовой пласт, бурлеск и гиперболизация при описании некоторых героев, просторечия и пословицы сближают «Вастолу» с жанром ирои-комической поэмы. В переводе Люценко наблюдается «расщепление» автора и читателя – наряду с «салонным» появляется «низовой». Образцовое произведение, «Душенька» И.Ф. Богдановича, становится для переводчика источником литературных приемов (русификация сюжета, переплетение вымышленной повествовательной ткани с недавним реальным прошлым и включение комментария к событию в текст), микросюжета (сцена купания Вастолы – сцена купания Душеньки).

При достаточно бережном отношении к оригиналу Люценко считает возможным и целесообразным разворачивать некоторые из эпизодов, образов, вносить такие дополнения в перевод, с помощью которых он вписался бы в русскую литературу не как переводное сочинение, а как самобытный художественный текст, гармонирующий с произведениями отечественной словесности конца XVIII – начала XIX вв. Люценко вводит проблему сословной принадлежности героя, вступая в диалог с В.И. Майковым, И.М. Наумовым, А.Ф. Воейковым, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным. Если Виланд направляет тему воспитания в просветительское русло, вторя идеям Ж.Ж. Руссо о естественном человеке, – выступает против нянек, камеристок и гувернанток вообще, то Люценко переиначивает вопрос на русский лад – он против иностранных воспитателей, что вторит сочинениям, направленным против космополитических настроений и осмеивающим неумеренное преклонение перед всем иностранным (Д.И. Фонвизин, В.И. Лукин, И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин). Люценко сознательно вплетает в ткань повествования ряд литературных имен (Славен, Додон, Душенька, Аглая, Дон-Кишот, Юнг) – за каждым из них закреплена литературная традиция. Имя Славен отсылает к сказке М.И. Попова «Старинные диковинки, или удивительные приключения славенских князей...». Имя Додон было хорошо известно

русской публике по лубочной «Сказке о славном и храбром богатыре Бове-королевиче» и «Сказке о золотом петушке» Пушкина, оно олицетворяло скупость и бессердечность. Имя Душенька адресует к Богдановичу, Аглая – к Карамзину, к созданному им собирательному образу возлюбленной и одноименному журналу, посвящению Н.И. Плещеевой, во многом соотносимого с содержанием второй и третьей частей сказки. Главный герой Перфонтий скачет на вязанке дров – совершает экстравагантный поступок, «донкишотствует», имя Дон-Кишота обращает читателя также сочинению Виланда «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения Сильвио де Розальвы». Присутствие имени Э. Юнга в оригинале было невозможно – Виланд не одобрял его поэзию; Люценко, напротив, увлекался «Ночными размышлениями» английского сентименталиста, прибегал к его стилевой манере («Сирота на гробе матери»). В переводе звучит не только имя Юнга, но и одна из популярных идей его «Плачей...» – человек «былинку с божеством» «разделил собой».

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

В 1836 году Пушкин, сам того не зная, подвел итог литературной деятельности Люценко, назвав его заслуженным литератором. Б.Л. Модзалевский считает, что за этой характеристикой скрывается только плодovitость поэта. На наш взгляд, речь должна идти не столько о плодovitости, сколько о широте, разнообразии форм творческой деятельности Люценко. Маленькие заслуги-открытия Люценко, способствующие формированию крупных достижений русской литературы, выделяют фигуру поэта в ряду его второстепенных сотоварищей. Образы, риторические фигуры, реминисценции и открытое цитирование произведений Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Карамзина в наследии Люценко представляют большой интерес для разработки исследуемой темы и могут привести к неожиданным открытиям.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. **Тарасова Ю. Г.** Е.П. Люценко в рецептивной истории «Раздела земли» («Die Teilung der Erde») Ф. Шиллера / Ю. Г. Тарасова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика.* 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 58–65.
2. **Дорофеева Ю. Г.** Эпические опыты Е.П. Люценко: к проблеме предромантического историзма / Ю. Г. Дорофеева // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика.* 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 36–40.
3. **Дорофеева Ю. Г.** «Похищение Прозерпины»: попытка атрибуции комической поэмы / Ю. Г. Дорофеева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки.* 2011. № 1 (17). С. 89–96.

4. *Биткинова В. В., Тарасова Ю. Г.* К проблеме прямых цитат в произведениях Н.М. Карамзина (Гораций и Виланд в повести «Остров Борнгольм») / В. В. Биткинова, Ю. Г. Тарасова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов, 2005. Вып. 8, ч. I–II. С. 10–14.
5. *Тарасова Ю. Г.* Международные сказочные сюжеты о желаниях и просветительская сказка К.М. Виланда «Первонте» / Ю. Г. Тарасова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9, ч. I–II. С. 108–110.
6. *Тарасова Ю. Г.* Русификация сказки К.М. Виланда «Первонте» в переводе Е.П. Люценко / Ю. Г. Тарасова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Научная книга, 2007. Вып. 10, ч. I–II. С. 87–90.
7. *Тарасова Ю. Г.* Русские литературные реминисценции в переводной сказке Е.П. Люценко «Вастола, или Желания» / Ю. Г. Тарасова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 11, ч. I–II. С. 118–121.
8. *Тарасова Ю. Г.* Е.П. Люценко – переводчик сказочной поэмы К.М. Виланда «Первонте»: [тезисы] / Ю. Г. Тарасова // Молодые ученые Саратовской области: Тез. науч. работ студ. высших учеб. заведений Сарат. обл. – участников обл. конкурса «Студенческая наука 2007». Саратов, 2007. С. 88–89.
9. *Тарасова Ю. Г.* Изображение национальной старины как предромантическая тенденция в творчестве Е.П. Люценко (на примере баллады «Церна» и эпических опытов «Чеслав», «Буривой и Ульмила») / Ю. Г. Тарасова // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию проф. И. В. Вершинина: в 2 т. Самара, 2008. Т. 2. С. 74–79.
10. *Тарасова Ю. Г.* Буколическая поэзия в творчестве Е.П. Люценко 1794–1798 гг. / Ю. Г. Тарасова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 12, ч. I–II. С. 140–145.
11. *Тарасова Ю. Г.* Историческая реальность и художественный вымысел в эпическом опыте Е.П. Люценко «Чеслав» / Ю. Г. Тарасова // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 3. С. 214–219.
12. *Тарасова Ю. Г.* Традиции духовной поэзии XVIII века в творчестве Е. П. Люценко 1790-х годов / Ю. Г. Тарасова // Славянский мир: общность и многообразие. Международная научно-практическая конференция: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. епархии, 2009. С. 318–324.
13. *Тарасова Ю. Г.* Е.П. Люценко как переводчик-просветитель / Ю. Г. Тарасова // Михаил Муравьев и его время: сб. ст. и материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 20–21 апреля 2010 года). Казань: ТГГПУ, 2010. С. 70–75.
14. *Дорофеева Ю. Г.* Е.П. Люценко в журнале «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов» (1810) / Ю. Г. Дорофеева // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: ИП «Экспресс тиражирование», 2011. Вып. 14, ч. I–II. С. 211–219.